

Сергей Озеров

Родился 4 мая 1959 года в Новокузнецке. Окончил школу в 1976 году. После службы в армии работал шофёром на станции Теба, рабочим на машзаводе, краповщиком на стройке, корреспондентом в районной газете, преподавателем в сельской школе.

В городское литобъединение «Гренада» пришёл еще в школьные годы, когда учился в десятом классе. Впервые стихи Сергея Озерова были представлены широкому кругу читателей в 1988 году публикацией в газете «Кузнецкий рабочий». Знатки литературы сразу отметили своеобразие творческой манеры поэта.

Сергей Озеров – наш постоянный автор. Подборки его стихов периодически появляются на страницах альманаха «Кузнецкая крепость». Печатались и в Кемерове – в журнале «Огни Кузбасса».

Пишет он и заметки о творчестве других поэтов, делится размышлениями о стихах и, вообще, о том, что должно «называться поэзией»... Самобытный стиль изложения обычно привлекает внимание редакторов.

Интересно, что автор, будучи сам поэтом, выражает в этих заметках искреннее отношение к произведениям коллег через призму собственных взглядов на загадку и сущность творчества...

Сергей Владимирович Озеров в разные годы выпустил четыре поэтических сборника: «Вопросы» (1987), «Само-колесо» (1993), «Особенность» (2001), «Обратная перспектива» (2011).

Небесята Сергея Фофонова

Наша последняя встреча была у «Олимпа»... Поэт, наверное, и должен встречаться возле вершин. Шёл навстречу и как будто светился. Потом, вспоминая его с Виталием Кармановым, мы отмечали особенность: у него лицо было как бы голое. Большинство носят на лицах маски, а вот у него не было маски, не было защиты, и душа не пряталась внутри.

«Вот написал роман! – хвалился или утверждал он. – Редко кому удаётся осилить подобающий объём текста»...

Но это не его слова, это моя попытка передать разговор.

После его смерти рукописи оказались в разных руках. Мне достался конспект книги «Сумерки богов», а роман был у Виталия Карманова. В 1995 году я читал этот роман, пытался опубликовать отрывок в новокузнецкой газете «Земля Кузнецкая». Но напечатали только моё пояснение о Сергее Фофонове, что мы из того последнего советского поколения, которое выросло словно в стеклянной банке. Кто-то задохнулся, а те, кто пережил откры-

На снимке: Сергей Фофонов - крайний справа.
(Фото из личного архива автора данной публикации).

тие пластмассовой крышки, кого освободили от стеклянного объёма, тот всё-таки остался скрюченным и скукоженным...

А отрывок из произведения не напечатали. Когда редактор прочитал его повнимательней, то он не совпал с идеологией коммунистов – скорее, наоборот.

Роман был написан в 1989 году – в перестроечное время, в предпоследний год жизни автора. Назывался «Свинин».

...В городе «Н» к власти приходит триумvirат – три правителя делают город «Н» столицей и правят страной с помощью телевидения. А город стоит двумя пирамидами: одна пирамида – труда, другая – развлечений. Существовать можно только внутри пирамид, потому что деньги ходят огромные, и во вне жители просто погибают от голода, а внутри вся жизнь состоит из работы и зрелищ.

По тексту романа угадываются некоторые местные реалии...

В 2007 году я собирал материалы о Фофонове и, естественно, попросил Виталия Карманова ещё раз прочитать роман. Но у художника нашлись только фофоновские рисунки...

Надеюсь, что роман отыщется и увидит свет, и мы убедимся в неразгаданном провидческом даре Сергея Фофонова.

А те стихотворения, которые мне удалось отыскать, предлагаются читателю.

Сергей Озеров.

Сергей Фофонов

(1959-1990)

АНГЕЛ МОЙ

Сух стакан мой, а дождь всё идёт...
Голос, взгляд отогреть нет уж средства.
Кликнуть душу, вернуться бы в детство,
но никто меня в детстве не ждёт.

Вслед плелась, рылась в мокрой золе
и на небо с обидой глядела...
Вдруг спросила душа: есть ли дело,
что держало б её на земле?

Отсвет молний в расколотой банке...
Вдруг застыла она за окном.
Я увидел: приник к окну – ангел!?.
Вслед ей с гор неба ринулся гром.

Дождь вуалью из искорок длинных
лик её мне не сразу открыл.
Дождь шумел в сизой мгле её крыл –
крепких, как соколиных.

Отшатнулся я, что-то сказал.
Подошёл и увидел – так близко –
не глаза, а кленовые листья...
О, кленовые листья – глаза!

Жил я трудно, ты просто – жила. ...
Вскоре сблизились вновь наши лица,
и со мной ты под ручку пошла,
в небо щуря кленовые листья...

В то же утро ты и улетела...
Вся ты свет теперь, вся ты во мгле...
Как я выжил? – душа не хотела
в явь с размаху вмерзать –
мыслью дело,
что вернёт тебя мне и земле.

(1987)

РОДИНА

Вот и снова зима... Каждый день,
каждый вечер – зима!
Никуда от неё – только в сон
и в сознанья глубины.
Но по льду, что мне взгляд оковал,
поскользил я с ума,
не сыскав полыньи, –
вверх, всё вверх...где в краях голубиных
голубых небесят
я кровавым кормить буду ртом...
буду – ртом я, и больше ничем,–
ртом и кустиком нервов,
рваных вен я и нервов
на небе горячем, крутом, –
остальное внизу всё возьмёт он,
земли этот жернов.
Жернов этой земли,
надорвавшейся серой земли,
пробираемой всеми ветрами
и высью угрюмой
запоёт как, закружится он!.. –
И найдут меня вдруг,
чтоб развеять в муку,
все на свете родные метели.

(1989)

ИСТОРИЯ

Их было двое на земле –
вон той – в венце из звёзд
лежащей в прахе и золе,
отбросив в вечность хвост.

Любовь их грела –
и сожгла.

Спасаясь лишь сама,
она в послушницы пошла.
А он – сошёл с ума.

(1990)